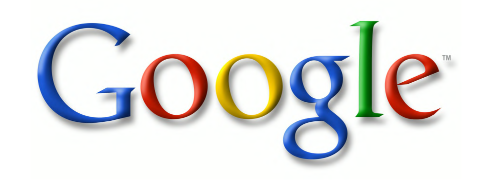

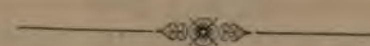
СТОЛѢТІЕ

САТИРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ТО-НИБУДЬ ОТЪ БЕЗДѢЛЬЯ НА ДОСУГѢ".

(1800—1900 гг.)

В. И. Покровскаго.

ИЗДАНІЕ
ПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

Печатано подъ наблюденіемъ В. И. Покровскаго.

Въ прошломъ году исполнилось столѣтіе сатирическаго журнала «Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ», издававшагося Николаемъ Петровичемъ Осиповымъ. Въ виду историческаго интереса, который представлялъ журналъ своимъ содержаніемъ и составомъ, чрезвычайной въ настоящее время его рѣдкости и, наконецъ, недюжинной личности самого издателя и въ то же время единственнаго автора всѣхъ помѣщенныхъ въ немъ статей, не безынтересно будетъ, полагаемъ, воскресить теперь въ нашемъ сознаніи обликъ журнала и физіономію самого издателя. Въ данномъ случаѣ мы намѣрены, опредѣливъ общее содержаніе всего журнала и отмѣтивъ главныя затрогиваемыя имъ стороны жизни, отошедшей отъ насъ на разстояніе цѣлаго вѣка, установить его отношеніе къ своимъ предшественникамъ и указать на продуктивность и особенности писателя, совершенно теперь забытаго, да и въ свое время неоцѣненнаго по достоинству.

Само собою понятно, что, какъ характерныя свойства самаго журнала по его содержанію и формѣ, такъ равно и индивидуальныя черты писателя, представятся читателямъ выпуклѣй и скажутся потому сильнѣй, если главнѣйшее содержаніе журнала, по возможности, будетъ исчерпано in exstenso.

Осиповъ, какъ сынъ своего вѣка, отдалъ полную ему дань внѣшними пріемами журнала, его формой и содержаніемъ, которое въ нее облечено. По обычаю писателей прошлаго вѣка, любившихъ прикрывать свое имя вымышленнымъ и иногда по выходѣ журнала объявлявшихъ, что журналъ «писанъ небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, невѣдомаго числа незнаемымъ сочинителемъ»—и издатель—авторъ журнала «Что-нибудь отъ бездѣлья», чтобы, подъ дымкой аллегоріи, легче и свободнѣе обнажать дѣйствительность, объясняетъ происхожденіе этого журнала самымъ необыкновеннымъ образомъ: въ темную ненастную ночь, «въ жестокую бурю» издатель впускаетъ къ себѣ на ночлегъ незнакомца, съ байковаго сюртука котораго текла ручьями вода. На другой день обсушенный, обогрѣтый и успокоенный гость, при прощаньи на пригоркѣ, до котораго проводилъ хозяинъ, выражая ему искреннюю благодарность за сдѣланное угощеніе, въ знакъ признательности къ хозяину, далъ этому послѣднему атласный колпакъ, завязан-

ный лентой и запечатанный. На этомъ колпакѣ вышиты были различныя фигуры съ надписью: «Mori capsula capsularum». Хотѣлъ его, говоритъ издатель, благодарить, но онъ, не допустивъ меня до этого, сказалъ: «Узнай теперь, кого ты у себя угостить удостоился. Прежде всего считался я въ числѣ боговъ; и по нынѣ еще любимъ отъ мудрыхъ, ненавидимъ глупцами и за справедливость мою повсюду изгоняемъ; однимъ словомъ я Момусъ. Проговоря сіе поднялся въ воздухъ. Я провожалъ его моими глазами до тѣхъ поръ, покамѣстъ онъ скрывшись въ облакахъ пропалъ отъ моего взора.

Пришедши домой распечаталъ и развязалъ съ великою нетерпѣливостью и любопытствомъ подаренный мнѣ колпакъ и нашелъ великое множество разныхъ свертковъ и тетрадокъ. Разбирая ихъ я увидѣлъ, что будетъ очень не худо, когда обнаружу ихъ въ публику, переписавши всѣ бумаги отъ бездѣлья на досугѣ и издавая ихъ одну за другою. Теперь читайте ихъ по субботамъ».

Такова внѣшняя причина происхожденія журнала, появлявшагося по субботамъ.

Что же касается до формы, въ которую отлилось содержаніе журнала, то всѣ статьи, весьма различныя по своему объему, въ которыхъ Осиповъ поучалъ современниковъ, описывая аномальныя явленія, различны и по формѣ: въ однѣхъ прямо и безъ всякихъ обиняковъ выставлялись предметы и явленія, достойныя осмѣянія—мораль на лицо, въ другихъ она скрыта. Къ первому разряду статей можно, напримѣръ, отнести слѣдующія: «Правда не всякому мила»[1], «При окончаніи года»[2], «Островъ лихоимцевъ»[3], «О несчастныхъ слѣдствіяхъ плутовства»[4], «Анекдотъ»[5], «Дружба»[6], «Время»[7], «Школа несчастія есть училище добродѣтели»[8], «О бѣдствіяхъ»[9], «Честной крестьянинъ»[10], «О наемныхъ служанкахъ»[11], «О карточной игрѣ»[12], «Можетъ быть»[13], «Сатана»[14], «Несчастіе никогда одно не приходитъ»[15], «Вылѣченная жена»[16] и т. д.

Нравоучительный характеръ всѣхъ вышепоименованныхъ статей очевиденъ и вытекалъ изъ сознанія автора несовершенствъ вообще человѣческаго рода и наблюденій надъ таковыми въ современной ему жизни, текшей по ложно направленному руслу. Въ этомъ случаѣ можно

---

[1] XX, 90—91. [2] XXXIII, 143—144. [3] XXXVI, 148—152. [4] XLIII, 173—176. [5] XLIV, 177—185. [6] VIII, 44—48. [7] LII, 218—222. [8] LV, 237—240. [9] LI, 213—216. [10] LXVIII, 313—317. [11] LVIII, 250—254. [12] LXI, 262—268. [13] LXIII, 273—275. [14] LXI, 303—304. [15] LXIX, 317—320. [16] LXXII, 341.

отмѣтить особенно слѣдующіе №№: 11, 12, 13 и 14. Нѣкоторыя изъ статей растворены искреннею грустью автора (LI, 213—217), или пропитаны идеальною сентенціей: таковы статьи, помѣченныя подъ №№ 15, 17. Въ погонѣ за нравоученіемъ, изъ стремленія внѣдрить глубже въ сердцѣ читателя моральныя идеи, авторъ выводитъ необычайныхъ людей (313 стр.) и создаетъ таковыя же положенія (317). Чтобы нагляднѣе видѣть, каковъ вообще характеръ нравоученія предлагаетъ авторъ и какого рода характеръ самыхъ статей назидательнаго характера, можемъ дать, напримѣръ, слѣдующую: «При окончаніи года»[1]:

«Всѣ мы выходимъ изъ матерней утробы нагія; но потомъ уже наряжаемся въ разное платье каждый по своему званію, состоянію и вкусу. Всякое платье надобно чистить щеткою; въ противномъ же случаѣ будетъ оно не чисто, пыльно и грязно. Для сего потребна добрая щотка. И такъ желаю каждому имѣть у себя... добрую щотку.

Всякій человѣкъ долженъ при окончаніи года пробѣжать всѣ свои дѣянія и поступки, разсмотрѣть ихъ со вниманіемъ и все запылившееся и замаранное вычистить. Для сего потребна въ совѣсти добрая щотка.

Когда хочетъ онъ остаться на слѣдующій годъ честнымъ человѣкомъ, то долженъ сожалѣть о всѣхъ сдѣланныхъ имъ шалостяхъ, рѣзвостяхъ, глупостяхъ, пронырствахъ, лукавствахъ, обманахъ и прочихъ шпильничествахъ.

Для сего потребна ему добрая щотка.

Но кто можетъ очистить всю грязь въ сердцѣ давно запачканномъ и нечищенномъ многія годы?

И такъ желаю всѣмъ для наступающаго Новаго года добрую и крѣпкую щотку».

Другой разрядъ статей помѣщенныхъ въ журналѣ, также нравоучительно обличительнаго характера, облеченъ, по большей части, въ форму аллегоріи. Таковы, напримѣръ, статьи: «Училище Гамы Эбнъ-Абула»[2], «Фіалка и Тюльпанъ»[3], «Счастье»[4], «Постоянство»[5], «Терпѣніе»[6], «Страна правды»[7], «Добродѣтельный богачъ»[8], «Скупой»[9], «Островъ лихоимцевъ»[10], «Нечаянно»[11], «Благополучное супружество»[12], «Видѣніе на лунѣ»[13], «Видѣніе Тенерифскаго пустынника»[14], «Басенка»[15] и др.

Примѣромъ иносказательнаго нравоученія можетъ служить статья «Фіалка и Флора»[16]: «Когда еще животныя и растенія одарены были

---

[1] XXXIV, 143—144. [2] V, 27—37. [3] VI, 31—32. [4] X, 49—59. [5] XXIV, 103—110. [6] XXV, 111—112. [7] XXVII, 133 — 137. [8] XXXI, 113—137. [9] XXXIII, 140—143. [10] XXXVI, 148—152. [11] XLIX, 206—208. [12] L, 209—213. [13] L, 222—224. [14] LXIV, 275—303. [15] LXIV, 305—309. [16] VI, 31—32.

способностью говорить, въ то время фіалка увидѣла неподалеку отъ себя расцвѣтающій тюльпанъ, который за прекрасную свою разноцвѣтность почитался царемъ всѣхъ весеннихъ цвѣтовъ. Гордый тюльпанъ поднявши свою голову привлекалъ на себя вниманіе гуляющихъ по тому саду. Каждый хвалилъ его красоту и желалъ имѣть на грядѣ или въ горшкѣ у себя; на прочія же цвѣты не смотрѣлъ ни мало. Фіалка снѣдаема будучи неутомимою завистью рѣшилася наконецъ открыть горесть свою богинѣ Флорѣ и просить въ состояніи своемъ перемѣны. Богиня выслушавъ ее терпѣливо сказала ей: вижу что поступлено съ тобой несправедливо и желаю помочь тебѣ охотно. Хочешь ли ты, чтобы я тебя обратила въ прекрасной разноцвѣтной тюльпанъ? Съ превеликою радостію, отвѣчала фіалка.

Слѣдовательно, продолжала богиня, соглашаешься ты вмѣсто безчисленнаго множества цвѣтовъ производить одинъ только Тюльпанъ? соглашаешься лишиться своего пріятнаго запаха? соглашаешься полезный и цѣлительный свой корень промѣнять на негодную луковицу? Подумай о томъ прилежнѣе и обстоятельнѣе. Фіалка услыша сіе огорчилася чрезвычайно; стыдилася безразсудной своей просьбы, рѣшилася остаться по прежнему фіалкою и не мѣнять «изящные свои качества на пустую разноцвѣтность».

Обличенія автора выливаются не только въ подобнаго рода статьяхъ, только что приведенныхъ, но и даются иногда въ видѣ афоризмовъ, каковы, напр. [1]: «Желаю каждому имѣть для себя особливую горницу, чтобы не слыхать дѣтскаго крика и женина ворчанья.

Желаю каждому честному человѣку, чтобы не учащали къ нему своими посѣщеніями молодые и щеголеватые гости; а особливо у кого молодая жена, или дочка.

Желаю каждому челобитчику имѣть затворенный ротъ и растворенный кошелекъ.

Желаю каждому купцу большой продажи, хорошей выручки и отвычки класться своею совѣстію ежеминутно.

Желаю каждой красавицѣ взять недовѣрчивость къ вѣрнѣйшему своему и тайному совѣтнику зеркалу.

Глупымъ людямъ не желаю ничего; потому что не знаютъ они сами, куда какое желаніе годится».

Иногда эти афоризмы нанизываются одинъ за другимъ совершенно случайно: издателю бываетъ достаточно воспользоваться какимъ либо

---

[1] I, 1—12. [2] IV, 23—27.

однимъ словомъ, какъ поводомъ [2]. Такъ по поводу слова иной даются такого рода нравоученія: «*Иной* имѣетъ изрядной видъ, но совсемъ тѣмъ лицемѣритъ. *Иной* при людяхъ безпрестанно молится Богу, а въ самомъ дѣлѣ хуже чорта. *Иной* не воруетъ для того, что боится быть на площади. Одинъ крикливый хвастунъ говорилъ о себѣ, что онъ *инаго* одурачилъ, *инаго* перецыганилъ, *инаго* прогналъ въ три шеи, *инаго* побилъ тростью; а въ самомъ дѣлѣ не смѣетъ ни на одного изъ нихъ и взглянуть. *Иной* дружится съ пріятелемъ своимъ для жены или дочки».

Къ такому же роду обличенія сатирическаго матеріала относятся: «Правила жизни» [1], «Общія правила нынѣшняго свѣта» [2], «Опись нѣкоторымъ товарамъ съ назначеніемъ имъ цѣны» [3], «Опытъ Ученаго и Моднаго Словаря или ключъ ко всѣмъ дверямъ, ларцамъ, сундукамъ, шкапамъ и ящикамъ Учености». Въ этомъ послѣднемъ, напримѣръ, отрывкѣ a) сатирически объясняется понятіе дѣйствій:

Брить, значитъ пачкать свое лицо такимъ мыломъ, которымъ мазаны шелудивыя рожи, обтирать грязнымъ полотенцемъ, и скоблить такою бритвою, которая гуляла по чирьямъ, угрямъ и бородавкамъ.

Доказывать, значитъ кричать изъ всего горла, бить кулаками по столу, топать ногами и ругать всякое противное себѣ мнѣніе.

Клясться, значитъ давать въ залогъ свою душу и ставить чорта по себѣ порукой.

b) дается опредѣленіе конкретныхъ понятій:

Авторъ. Сочинитель. Подъ именемъ симъ разумѣется по большой части тотъ безстыдной смѣльчакъ, которой поставляетъ себя при заглавіи какой нибудь книги, которую вовсе не писывалъ. Въ протчемъ авторъ есть твореніе смѣлое и дерзостное, коего тонкость, низкость и трусость нигдѣ такъ не обнаруживаются, какъ въ дедикаціяхъ.

Другъ. Подъ именемъ друга разумѣется тотъ человѣкъ, у котораго можно часто попить, поѣсть и повеселиться.

Дѣвица есть такая женщина, которая не была еще вѣнчана со священническимъ благословеніемъ по церковному чиноположенію.

Каналья есть всякой человѣкъ, который по нашему мнѣнію въ чемъ нибудь насъ хуже.

Скотина есть такое твореніе, которое по недостатку въ разумѣ не можетъ производить въ дѣйство подобныя человѣкамъ шалости.

Откровенный человѣкъ есть тотъ, который говоритъ о себѣ всякому безъ стыда и зазрѣнія, сколько кому долженъ, сколькимъ дѣви-

---

[1] XXXV, 145—148. [2] LVI, 241—245. [3] LXXII, 367—368.

цамъ обѣщалъ на нихъ жениться, и сколько въ жизнь свою надѣлалъ шалостей.

с) отвлеченныхъ понятій:

Искренность. Самое старинное слово, употребляемое нынѣ только между мелкаго простаго народа.

Невинность. Незнаніе. Въ нынѣшнія просвѣщенныя времена обрѣтается между такими людьми, которымъ отъ роду лѣтъ не болѣе дюжины. Лѣтъ въ дюжины въ полторы встрѣчается рѣдко; и въ два десятка лѣтъ есть уже вещь метафизическая.

Примиреніе случается по большей части между мужемъ и женою, которые днемъ грызутся какъ собаки, а ночью спятъ на одной постели.

И прочая. У древнихъ слово сіе означало такіе предметы, о которыхъ могли бы они говорить далѣе, естьли бы только хотѣли; у новѣйшихъ же писателей значитъ по большей части то, что хотѣли бы они сказать еще много, естьли бы только могли, или умѣли [1]. Въ статейкѣ «Наставленіе Живописцамъ и Стихотворцамъ къ изображенію нѣкоторыхъ не маловажныхъ предметовъ» [2] обличенія даются въ такой формѣ:

Мирное супружество. Слѣпой мужъ и глухая жена.

Средство произойти въ люди. Дядька молодаго барина ставитъ промывательное любимой барыниной постельной собачкѣ.

Осторожность. Критикъ на цѣпи и богомолка съ завязаннымъ ртомъ.

Воспитаніе. Знатный матушкинъ сынокъ даетъ учителю своему по носу щелчки. Батюшка и матушка находятся внѣ себя отъ радости, восхищаяся догадкою и остроуміемъ своего дѣтища.

Доказательство. Пучокъ розогъ, капральская палка, сжатый кулакъ, громогласное горло и...

Послѣднія вещи для кокетки. Злословіе, скупость, истерическія припадки и Купидонъ съ постельною собачкою.

Терпимость. Снисходительный супругъ обыгриваетъ женина любовника.

Какъ характерный образчикъ сатиры подобнаго рода можетъ служить слѣдующій отрывокъ, помѣщенный въ журналѣ подъ № LXXII.

---

[1] VII, 33—44. [2] XI. 59—60.

ОПИСЬ

некоторымъ товарамъ съ назначеніемъ имъ цѣны.

Товары.	Цѣны.
Подаяніе неимущимъ, въ тюрьмы, богадѣльни и на церковное строеніе.	За дурными дорогами еще не въ привозѣ.
Добросердечіе.	Везено будучи водою нѣсколько подмокло.
Вѣрность и вѣра.	Отъ бывшей бури потерпѣли не мало поврежденія.
Человѣколюбіе.	Почти никто не покупаетъ.
Божбы и клятвы.	Уступаются вмѣсто прибавки даромъ.
Откровенность.	Въ привозѣ не имѣется потому что сей товаръ спрашиваютъ весьма рѣдко и очень мало.
Честность.	Выписывается съ изнова и съ часу на часъ ожидается къ полученію.
Ругательство и брань.	Продаются четвериками.
Любопытство.	По охоткѣ за самую бездѣлицу.
Хорошая заплата.	Слуга покорный.
Знаніе и способность.	Одинъ съ солью хлѣбъ, холодный уголокъ и затасканное рубище.

Такова въ общемъ внѣшняя сторона, въ которую облекся матеріалъ, взятый авторомъ изъ условій и наблюденій дѣйствительной жизни.

Что же касается содержанія журнала, то, разсматривая его частнѣе, мы должны замѣтить, что онъ касается лицъ разныхъ званій, состояній и общественныхъ положеній. Таковы: купецъ, клянущійся ежеминутно совѣстію, въ чаяніи хорошей выручки[1]; «стихотворецъ, живущій въ самомъ верхнемъ этажѣ, чтобы быть ближе къ Небу[2], безъ толку пишущій[3], которому нужно имѣть крѣпкія и неустанныя ноги, также твердые и острые когти; дабы тѣмъ удобнѣе могъ онъ зацѣпиться и придерживаться влѣзая на крутую Парнасскую вершину»[4]; «школьный

[1] I, 11. [2] VII, 42. [3] LXXIII, 379. [4] VII. 42.

педантъ, имѣющій нужду въ Новомъ Геркулесѣ для очищенія накопившагося, изъ давнихъ лѣтъ сора и дряни [1],—этотъ почтенный мужъ вооруженный палею или лозами, коего главнѣйшее искусство состоитъ въ томъ, чтобы бранить своихъ учениковъ методическимъ образомъ» [2]; «газетчикъ, человѣкъ во всемъ подобный богу вѣтровъ Эолу, главнѣйшая должность состоитъ въ томъ, чтобы вѣчно лгать» [3]; молодой докторъ или отправляющій своихъ паціентовъ въ небесную обитель, или дѣлающій ихъ калѣками [4]; лицѣмеръ [5], присвоиватель чужихъ имѣній, глупецъ [6], крикунъ [7], остроумный [8] отецъ [9], откровенный человѣкъ [10], старыя дѣвицы, «строгія наблюдательницы добрыхъ нравовъ за другими», присматривающія за добродѣтелью молодыхъ подругъ неусыпно, будучи сами не подвержены такой опасности [11]; домоводка—«твореніе женскаго рода, которая изъ хозяйственнаго убытка составляетъ собственную свою пользу [12]; жена по модѣ [13], суровая женщина [14], женщины [15], ихъ невѣрность [16], ихъ языкъ, дающій имъ возможность говорить охотнѣе мужчинъ [17] и т. д.

Всего болѣе отведено въ журналѣ мѣста тѣмъ аномальнымъ явленіямъ семейной и общественной жизни, которыя всего болѣе бросались въ глаза и возмущали нравственное чувство издателя. Насколько серіозна была сатира автора въ этомъ отношеніи, могутъ показать выведенные имъ типы щеголя и щеголихи, затрогиваемые всѣми сатирическими журналами. Авторъ, указывая на позднее вставанье щеголя [18], на заботы о своей шевелюрѣ [19], проведеніи всего утра за уборнымъ столикомъ [20], его взглядъ на ученье [21], на его способность болтать безъ умолку всякій вздоръ въ женскихъ компаніяхъ [22], умѣнье жить, сказать что-нибудь забавное, по модѣ шаркать, прыгать и вертѣться, писать любовныя письма, говорить въ собраніяхъ всякую пустошь съ театральнымъ тономъ и кривляніями, въ двухъ статьяхъ, характерныхъ для автора—издателя и щеголя, такъ рисуетъ послѣдняго:

«Рецептъ

для составленія совершеннаго Повѣсы [23].

Не посылайте молодого человѣка ни въ какія училища и университеты. Такія мѣста въ немъ все испортятъ, а особливо естьли онъ имѣетъ въ себѣ сколько нибудь расположенія и наклонности къ ученію.

---

[1] I, 11. [2] VII, 43. [3] VII, 35. [4] IV, 23—24. [5] IV, 25. [6] VII, 35. [7] Ibid. [8] VII, 39. [9] Ibid. [10] VII, 39—40. [11] XLI, 166. [12] VII, 35. [13] I, 9. [14] VII, 42. [15] LIV, 225. [16] Ibid. 226. [17] Ibid. 232. [18] VII, 34. [19] II, 13. [20] Ibid. [21] VII, 33—34. [22] VII, 44. [23] XXI, 92—94.

Наставниками его должны быть романы; и не столько учена голова, сколько ноги.

Въ Латинскомъ, Греческомъ и своемъ Природномъ языкѣ нѣтъ ему ни малой нужды; но Французскому должно учиться непремѣнно.

Потребно ему жить не въ уѣздномъ городѣ или деревнѣ, но непремѣнно въ столицѣ; ибо тамъ найдетъ онъ гораздо больше случаевъ обнаружить свои достоинства и дарованія къ лучшей своей пользѣ.

Не мѣшайте ему въ его волокитствахъ; давайте волю цѣловать всѣхъ кто ни попадется, отъ знатнѣйшихъ барынь до послѣднихъ служанокъ.

Надлежитъ ему быть искусну нашептывать на ухо всякія нѣжности, умѣть лгать не закраснѣвшись и утверждать свою ложь ужаснѣйшими клятвами.

Поступки его и обращенія не должны имѣть ни малѣйшаго недостатка въ порокахъ и ни мало не быть двоесмысленными.

Разумъ его долженъ оказываться въ однихъ только бездѣлицахъ и насмѣшкахъ.

Изъ рѣдка не худо ему говорить и о важныхъ сочиненіяхъ; но имѣть о нихъ понятія не больше старой своей кошки.

Имѣть слѣпое пристрастіе ко всѣмъ новѣйшимъ новостямъ и новѣйшимъ модамъ; Вѣру же свою почитать самою несносною стариною.

Насмѣхаться церковнымъ обрядамъ и презирать духовенство.

Платить исправно всѣ долги, касающіеся до чести; какъ наприм.: любовницѣ, проигранное въ карты и прочее тому подобное; о настоящихъ же долгахъ совсемъ и не думать.

Не пропускать ни одного театральнаго представленія, маскерада, бала, концерта и всякаго публичнаго собранія; дабы люди могли замѣтить, что онъ человѣкъ со вкусомъ.

Передъ трусливѣйшемъ себя не упускать ни одного случая оказывать свою храбрость и неустрашимость; и быть готову обнажить всякій разъ, когда увѣренъ, что до того не допустятъ.

Все свое время стараться употреблять ни на что болѣе, какъ на игру, волокитство, развратность и прочіе щегольскіе и модные пороки.

Живши осломъ, необходимо надобно будетъ умереть собакою.

Должности

моднаго человѣка въ обществѣ [1].

I. Въ разсужденіи разума.

1) Къ глубокимъ размышленіямъ быть не способнымъ.

2) Имѣть голову свободну отъ всякаго ученаго вздора.

3) Быть вовсе незнающимъ въ математическихъ правилахъ и доказательствахъ, дабы не казаться педантомъ.

II. Въ разсужденіи тѣла.

Имѣть полное свѣдѣніе о томъ, что для каждой части и необходимо на прим.:

1) Для головы: Волосы, шиньоны, подкоски, пукли, парики, пудра, помада, кошельки, косы, припекальныя щипцы, гребни, парикмахеръ, цырюльникъ, бритовное и умывальное мыло, мыльной порошокъ, бритвы, табакъ, табакерки, табакерочныя медаліоны, лорнеты, зрительныя трубки, зубной порошокъ, губная помада, и проч.

2) Для шеи: Галстуки, платки, косынки, галстучныя пряжки, запонки, и проч.

3) Для туловища: Исподнія и верхнія рубашки, фуфайки, камзолы, жилеты, фраки, кавтаны, сертуки, шубы, шинели, плащи, шпаги, портупеи, шпажныя крюки, и проч.

4) Для рукъ: Манжеты, запонки, нагавки, перстни, кольца, миндальное мыло, унгарская водка, бѣлая вода, ногтевыя щипчики, перчатки, на двухъ пальцахъ у перчатокъ прорѣзы, балованье пальцами, и проч.

5) Для ногъ: Штаны, шаровары, калесоны, часы, часовыя ленточки и цѣпочки, печати и берлоки, разныхъ цвѣтовъ шолковые чулки, пѣшеходные и танцовальные башмаки, колоши, сапоги, кеньги, пряжки, ленточныя на шлифахъ и на башмакахъ завязки, и проч.

III. Въ разсужденіи другихъ людей внѣ общества.

1) Прохаживаться по улицамъ какъ можно щеголеватѣе и одѣтому хотя просто, но по самому новѣйшему и тонкому вкусу.

2) Умѣть всякому сказывать принадлежащія учтивости и приличныя поклоны; на прим.: знатнымъ людямъ, а особливо женщинамъ кланяться опуская въ низъ рукою шляпу; равнымъ себѣ кивать головою

---

[1] LVI, 245—250.

не снимая шляпы; низшимъ же себя довольно показать съ улыбкою ласковый видъ и веселый взглядъ. При всемъ томъ необходимо нужно не выпускать изъ рукъ лорнета; дабы иногда не принять горничную дѣвушку за госпожу и не сдѣлать ей учтиваго поклона.

3) Учащать прилѣжно во всѣ публичныя гулянья и собранія, одѣваясь какъ можно наряднѣе; стараться мимоходомъ плѣнить собою какую-нибудь женщину, или дѣвицу; умѣть обращать съ нѣжностію глаза, съ пріятностію вынимать изъ кармана табакерку, шалить со вкусомъ часовыми цѣпочками, и проч.

IV. Въ разсужденіи другихъ людей въ обществѣ.

1) Говорить какъ можно больше не обдумавши ни мало.

2) Умѣть пріятнымъ образомъ привесть женщину въ краску.

3) Стараться имѣть передъ всѣми отличность и не давать превзойти себя ни въ чемъ ни одному человѣку.

4) Умѣть щегольски клясться, свистать, кашлять, шаркать, прыгать, вертѣться, и проч.

V. Общія замѣчанія.

1) Умѣть во всякую погоду переходить черезъ улицу не испортя волосъ и не загрязнивши ногъ.

2) Быть особливо искусну сводить съ крыльца даму и сажать въ карету, и проч.

Тѣ благородныя тенденціи, которыя возникали въ душѣ Осипова при наблюденіи явленій и условій современной ему жизни и вылились въ опредѣленную форму въ разсмотрѣнномъ нами журналѣ, волновали и огорчали его раньше. Съ достовѣрностію можно предположить, что изданная имъ еще въ 1796-мъ году хотя и не оригинальная книжка: «Любопытной, Загадчивой, Угадчивой и Предсказчивой Мѣсяцословъ» «для молодыхъ красавицъ» стоитъ въ тѣсной связи съ одной стороной журнала, который имѣетъ въ виду выставить на посмѣяніе красавицъ тогдашняго времени. Не имѣя въ виду въ настоящее время установить вполнѣ генетическую связь съ этими двумя изданіями, мы не можемъ не отмѣтить во многомъ тожественности ихъ содержанія. Это сопоставленіе даетъ возможность выпуклѣе представить характеръ сатиры журнала «Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ» по отношенію къ красавицамъ.

Журналъ г. Осипова, отмѣчая особенности женской организаціи, замѣчаетъ, что «круглость ихъ (женщинъ) членовъ, нѣжность ихъ составовъ, пріятныя черты лица, бѣлизна и тонкость ихъ кожи соста-

вляютъ важнѣйшія тѣлесныя преимущества» [1]. Всѣ эти тѣлесныя прелести ей дарованы для восхищенія мужчинъ, ибо «женщина сотворена единственно на то, чтобы нравиться мужчинѣ» [2]; эти женщины—«любезныя и бѣдственныя предметы, украшенныя природою для нашего наказанія, наказующія когда васъ не страшатся, гонящія когда васъ трепещутъ, коихъ любовь и ненависть пагубны для насъ равномѣрно, которыхъ нельзя ни искать, ни убѣгать, не ввергая себя въ напасти! Красота, прелесть, приманчивость, симпатія! существо, или непонятная химера! бездна горестей и наслажденія! несчастенъ тотъ, кто ввѣрится обманчивой тишинѣ твоей! отъ тебя происходятъ всѣ бури, колеблющія родъ человѣческой» [3]. Бѣда особенно стрясается надъ мужемъ: по выходѣ женщины замужъ супруги становятся двумя человѣками разнаго пола «живущіе въ одномъ домѣ и называющіеся одной фамиліей» [4]. «Любить одного мужа»—«староманерная любовь, есть ни что иное, какъ суевѣріе и предразсудокъ» [5]. «Съ мужьями, по воззрѣнію жены, надлежитъ обходиться какъ съ лимонами; выдавливать изъ нихъ сокъ, а пустую кору бросать за окошко» [6]. Такого отношенія къ мужу и «умная жена не приминетъ произвесть въ дѣйство всю свою власть и силу въ первые мѣсяцы пламенной вашей страсти и любовнаго съумасшествія. Ея слабость, нѣжность, старанія, угожденія и вздохи суть ни что иное, какъ преддверіе вашей неволи, а нашей побѣды» [7]. Для злословія «женщины имѣютъ языкъ весьма гибкой и говорятъ гораздо легче, охотнѣе и пріятнѣе, нежели мужчины» [8]. Въ журналѣ «Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ» разбросано много характерныхъ для красавицы и другихъ чертъ: она поздно встаетъ [9] все утро проводитъ за уборнымъ столикомъ [10] притирается, налѣпливаетъ мушки [11] падка на всякаго рода щегольство, ибо таковое «есть модная болѣзнь, которая столь же, неизлѣчима, какъ чума, или оспа» [12] и т. д.

Всѣмъ этимъ мѣстамъ журнала, посвященнымъ характеристикѣ свѣтской женщины XVIII в. мы можемъ указать на слѣдующія аналогичныя въ «Любопытномъ, Загадчивомъ, Угадчивомъ и Предсказчивомъ мѣсяцесловѣ»: № 5, стр. 19; № 27, стр. 30; № 32, стр. 34; №№ 37, 38 и 39, стр. 37—38; № 44, стр. 39; № 46, стр. 40; № 50, стр. 42; № 64, стр. 48; № 65, стр. 49; № 73, стр. 53, № 85, стр. 57; № 68, стр. 88; № 4, стр. 100; № 6, стр. 101; № 36, стр. 109; № 57, стр. 117; № 76, стр. 124; № 88, стр. 127; № 2, стр. 132; № 28,

[1] LXXV, 406. [2] LIV, 225. [3] LIV, 236. [4] VII, 42. [5] XVIII, 81. [6] Ibid. 82. [7] XVIII, 82. [8] LIV, 232. [9] VII, 39. [10] II, 13. [11] XXXII, 138. [12] VII, 44.

стр. 139; № 36, стр. 141; № 41, стр. 142; № 47, стр. 144; № 79, стр. 79; № 81, стр. 155; № 87, стр. 157.

Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что автора—издателя журнала «Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ» ранѣе занимали мысли, нашедшія себѣ мѣсто въ журналѣ, можетъ служить предисловіе къ «Мѣсяцеслову». Посвящая его красавицамъ, издатель говоритъ:

«Прекрасныя Читательницы!

Желая быть съ вами какъ можно чаще, надѣлъ я на себя календарное платье; а чтобы могъ безпрепятственно говорить правду, нарядился вѣщуномъ, то есть цыганомъ, а по ученому предсказателемъ. Поелику же ворожба принадлежитъ по большей части женщинамъ, то являюся вамъ въ началѣ сей книги въ видѣ обыкновенной нашей цыганки. Естьли сысканныя вами отвѣты будутъ сообразны вашимъ склонностямъ и желаніямъ; то я за трудъ мой заплаченъ уже довольно, съ излишкомъ и съ неожидаемыми процентами. Ежели жъ паче чаянія (отъ чего Боже сохрани), которой отвѣтъ вамъ и не понравится; то по крайней мѣрѣ хотя будьте увѣрены въ томъ, что написанъ онъ отъ самаго искренняго и чистаго сердца, и говоритъ вамъ, естьли не всегда, то иногда истинную и настоящую правду».

Н. О.

Журналъ «Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ» осмѣиваетъ лицъ разнаго званія и положенія, которыя своими поступками и дѣйствіями наносятъ вредъ людямъ и оскорбляютъ чувство чести и истины; онъ указываетъ на аномальныя явленія жизни семейной и общественной, уклоняющіяся отъ идеальнаго представленія издателя; онъ полонъ разныхъ благородныхъ истинныхъ пожеланій, исполненіе которыхъ могло бы дѣйствительно принести людямъ пользу; но, признавая все благородство стремленій автора, мы должны замѣтить, что всѣ затрогиваемыя имъ темы, по большей части, старыя, избитыя, давно уже заѣзженныя сатирическими журналами, раньше выходившими. Слѣдовательно, со стороны содержанія журналъ мало даетъ новаго. Впрочемъ, издатель журнала, подобно многимъ и другимъ издателямъ, раньше его выступившими съ своими сатирическими листками, вслѣдствіе чуть не цѣлое столѣтіе бытовавшихъ въ обществѣ пороковъ, долженъ былъ выставить ихъ на общее посмѣяніе и, слѣдовательно, затронуть старыя темы. Содержаніе журнала, вѣдь, навѣвалось самою жизнію; но и не оригинальное содержаніе разработано, въ большинствѣ случаевъ, слабо сравнительно съ своими предшественниками. Впрочемъ, касаясь и старыхъ темъ, издатель-авторъ въ рѣдкихъ случаяхъ давалъ болѣе

полное и яркое освѣщеніе. Таковы, напримѣръ, изображенія, какъ мы видѣли, щеголя и щеголихи.

Литературная дѣятельность Николая Петровича Осипова не ограничивалась только что указанными произведеніями. Первоначальное воспитаніе дома, а затѣмъ въ пансіонахъ, военная служба, служба въ Почтовомъ главномъ правленіи и, наконецъ, въ Секретной экспедиціи расширили его жизненный кругозоръ и обусловили разностороннюю литературную дѣятельность, которая, по своему содержанію, можетъ быть раздѣлена на два противоположныхъ разряда. Сочиненія перваго порядка относятся къ области изящной словесности, второго— носятъ признаки утилитарнаго, практическаго свойства. Къ первой категоріи относятся слѣдующія сочиненія: «8 Пѣсней Энеиды Виргіелевой, вывороченной на изнанку», «Овідіевы любовныя творенія», въ духѣ шутливой Энеиды. Переведены, кромѣ того, г. Осиповымъ двѣ части Донъ-Кихота, нѣмецкая повѣсть: «Похожденіе задомъ напередъ», «Алкивіадъ» Мейснера, «Несбыточныя путешествія въ небывалыя части свѣта», поэма «Рихаретъ». Къ этой же категоріи можно отнести и критическое его разсужденіе: «Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь».

Сочиненія утилитарнаго характера г. Осипова слѣдующія: «Старинная Русская ключница и стряпуха», «Карманная книжка сельскаго и домашняго хозяйства», «Новѣйшій и совершенный разчетливый картежный игрокъ», «Россійскій винокуръ, пивоваръ, медоваръ, водочной мастеръ, квасникъ, уксусникъ и погребщикъ», «Крестьянинъ скотоводъ», «Новый и совершенный Русскій садовникъ», «Лакировщикъ, или наставленіе о заготовленіи, составленіи и употребленіи лаковъ».

